

Сопричастность — категория духовная

НАЧАЛО НА 3-й СТР.

Сопричастность — категория духовная

Моск. правда. — 1993. — 16 января. — С. 3-11.

С Игорем Михайловичем Сиренко мы знакомы давно, еще с тех пор, как, оставив актерскую профессию, он ушел на административную работу: был директором в одном театре, потом в другом... И вдруг узнаю, что он создал собственный коллектив. Ну что ж, в наше время это не диковинка: сколько их создается с шумом, с помпой, а потом они куда-то тихо-тихо исчезают, словно и не существовали вовсе. Оттого я и не очень спешила познакомиться с тем, что делает в своем театре «Сопричастность» Сиренко. Но вот теперь каюсь. Сезон закончен, а я успела посмотреть только две работы из всего репертуара. Хотя и этого достаточно, чтобы оценить нетрадиционность поиска театра, его спокойное, без суеты и крикливости утверждение собственного стиля, стремление при скром-

ных материальных возможностях очень достойно оформлять спектакли, уровень мастерства актеров, культуры взаимоотношений со зрителями.

— Во-первых, откуда пришло название? — спрашиваю у Сиренко.

— От стремления достучаться до души нашего зрителя, — говорит режиссер. — Чтобы каждый ощутил свою сопричастность и тому, что было, что является нашей историей, и тому, что сегодня происходит вокруг и от чего мы не можем, не имеем права уклоняться. А еще мы стремимся вернуть в театр атмосферу праздничности, которую во многом утратили. Серой будничности нам хватает и в повседневности.

И надо отдать должное «Сопричастности»: атмосфера праздника, встречи со зрителем как с дорогим, дол-

гожданным гостем поджидает вас уже на пороге театра. Небольшой двухэтажный особняк (на улице Радио, 2), тщательно отреставрированный, ослепительно чистый снаружи и внутри, встречает зрителей приветливыми словами и улыбками красивых, со вкусом одетых женщин-капельдинеров. В буфете — о неожиданность! — торгуют не стандартными засохшими бутербродами и пирожными по космической цене, а домашними изделиями, приготовленными заботливыми руками всех работающих здесь женщин, включая и актрис. По цене — это гораздо дешевле, а по вкусу — одно слово — домашнее! Маленький, уютный зрительный зал всегда полон. И публика особенная, тоже как бы своя, уже ставшая близкой этому театру. Случайно забредших

ОКОНЧАНИЕ НА 4-й СТР.

сюда от скуки не встретить — не тот репертуар.

Трагедия Николая Гумилева «Отравленная туника» или грустная комедия Уильяма Гибсона «Велье розы, розовые слоны» требуют и особого настроения души, и определенного интеллектуального уровня. В этих постановках И. Сиренко нет ничего ни от дешевого эпатижа, ни от нарочитого умилования. Оба спектакля сдержанны, строгие по своей внешней выразительности. В них все четко отлажено: свет, звук, музыкальное сопровождение. И все подчинено актеру. Он один полновластно господствует на сцене.

Только два человека — Молли Иган (Светлана Мизери) и Генри Пулэски (Борис Панин) — ведут свой нескончаемый словесный поединок в пьесе У. Гибсона. Но какую долгую, полную неожиданных поворотов жизнь проживают они за два часа сценического времени. И зрительный зал чутким ухом ловит каждое произнесенное актерами слово.

А «Отравленная туника» завораживает и музыкальным стихом, и романтической любовной интригой сюжета, и ослепительной красотой костюмов (художник Елена Богота), особенно эффектных на строгом, черном фоне общего убранства сцены (сценограф Анна Бочарова). А еще в репертуаре есть такой спектакль — «Иосиф Сталин. Трагедия вождя и народа». В нем тоже стремление пробудить в зрителе отношение сопричастности к истории страны, какой бы трагичной она ни была. А для самых маленьких театр играет престелную сказку Маргариты Панфиловой «Тайна заколдованного портрета». Понимая, что СВОЕГО зрителя надо воспитывать с младенческих лет.